
КРЫСА
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КРИМИНАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР
18+

Вера Вельская

Крыса

«Автор»
2026

Вельская В.

Крыса / В. Вельская — «Автор», 2026

КрысаПсихологический криминальный триллерОни работали вместе много лет. Дружили, ссорились, мирились, делились семейными тайнами, помогали друг другу в трудные минуты. Обычный коллектив, в котором каждый знал, кому можно доверять.А потом начались странные события.Вчерашние друзья превратились во врагов. Невинные разговоры обернулись страшными обвинениями. Любовь матери к ребёнку привела к кровавой трагедии. Один человек оказался под следствием, другой — на грани безумия.
А когда произошла первая смерть, никто уже не понимал, кому можно верить.Случайности? Цепь роковых ошибок? Или за происходящим стоит чья-то невидимая воля?Чтобы добраться до истины, героям придётся восстановить события по крупицам, вспомнить давно забытые разговоры и задать друг другу один простой вопрос.«Крыса» — роман о доверии и предательстве, о хрупкости человеческих отношений и о том, как трудно распознать зло, когда оно смотрит тебе в глаза и сочувственно улыбается.

© Вельская В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Часть первая. Как всё началось. 10
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Вера Вельская
Крыса

Пролог

В больнице было слишком тепло для апреля.

Анна расстегнула пальто, но снять его не решилась. На пластиковом стуле у стены лежала чья-то забытая перчатка. Над автоматом с кофе мерцала лампа дневного света. Из-за двойных дверей, куда полчаса назад увезли Веру Сергеевну, доносились негромкие голоса и скрип колёс.

Когда Наталья позвонила ей, голос у девушки был чужой: «Мама пыталась покончить с собой». Анна не поверила — всегда спокойная Вера Сергеевна? Теперь она сидела возле отделения реанимации и смотрела на двери, ожидая, что сейчас они откроются, Вера Сергеевна выйдет в своём сером костюме и спросит, почему все сидят без дела посреди рабочего дня.

Она всегда говорила именно так, когда в отделе случалась неразбериха:

— Ну что вы расселись? Давайте разбираться.

Но сейчас было начало третьего ночи. И разбирались уже другие люди.

Врач вышел к Наталье, старшей дочери Веры Сергеевны. Анна видела, как он что-то объясняет, чуть наклонив голову; Наталья кивала, сжимая обеими руками телефон. Потом врач ушёл. Девушка постояла у дверей ещё несколько секунд, словно надеялась, что он вернётся и скажет всё заново — другими словами, с другим концом.

— Она жива, — произнесла Наталья, подойдя к ним. — Состояние тяжёлое. Пока ничего определённого не говорят.

Анна протянула ей воду.

— Попей.

— Спасибо.

Наталья не открыла бутылку. Она села между Анной и Татьяной и уставилась в пол.

— Я с ней вчера разговаривала, — сказала она наконец. — Мы обсуждали, покупать ли Соне велосипед. Мама ещё сказала, чтобы я не брала слишком дорогой: дети быстро растут. Всё как обычно. Совсем как обычно.

На последних словах её голос сорвался.

Анна обняла девушку за плечи. Та прижалась к ней, внезапно став похожей на маленькую девочку, которую много лет назад мать привела в компанию после школьного концерта. Тогда Наталья была в белой блузке и с двумя тугими косичками. Вера Сергеевна страшно гордилась тем, что дочь играла в оркестре первую скрипку, а Николай Петрович, желая сделать приятное, спросил, не собирается ли она поступать в консерваторию. Девочка покраснела и ответила, что хочет быть ветеринаром.

Наталья стала ветеринаром.

Анна вдруг вспомнила, как Вера Сергеевна рассказывала об этом на работе, и отвернулась.

Татьяна сидела напротив, на самом краю стула. На ней был дорогой бежевый плащ, под которым виднелась мятая домашняя футболка. Наверное, она одевалась в темноте, не включив свет. Волосы, обычно безупречно уложенные, торчали возле виска. На коленях лежала сумка, и Татьяна всё время расстёгивала и застёгивала молнию.

Впервые за много лет Анне нечего было ей сказать.

Когда-то они понимали друг друга с полуслова. Анна могла позвонить Татьяне в субботу в девять утра и спросить, какой порошок лучше отстирывает белые рубашки. Татьяна могла прийти к Анне без приглашения, с тортом и жалобами на невестку. Потом они месяц не разговаривали из-за какой-нибудь ерунды, мирились, смеялись, обещали больше никогда не ссориться.

Теперь Анна знала, что Татьяна говорила о ней в кабинете после увольнения. Татьяна знала, что Анна обсуждала её с руководством. Каждая могла бы перечислить десятки обидных слов, сказанных другой.

Вот только самих этих разговоров они почти не помнили.

— Ты давно здесь? — спросила наконец Татьяна.

— Минут сорок.

— А я сразу приехала, как Наташа позвонила.

Анна кивнула.

Они снова замолчали.

* * *

Три недели назад в этом же городе, всего в двух кварталах от больницы, пятилетняя Маша кричала так, что её слышали на лестнице.

Она забилась под письменный стол, прикрыла голову руками и звала маму. В кабинете опрокинули стул. На полу валялись карандаши, отлетевшая крышка степлера и детский рисунок — фиолетовый кот с огромными ушами.

Денис лежал у шкафа. Из рассечённой кожи у виска текла кровь. Сергей прижимал к ране сложенное полотенце и сердито, почти грубо повторял:

— Не двигайся. Слышишь? Не двигайся!

Марина стояла посреди комнаты. В правой руке она всё ещё держала тяжёлый металлический степлер.

— Не подходите ко мне, — говорила она. — Никто не подходите.

Никто и не подходил.Все смотрели на неё с тем ужасом, с каким смотрят на знакомого человека, вдруг заговорившего чужим голосом.

Когда приехала скорая, Марина не сопротивлялась. Она только спрашивала, где её дочь. Маша уже сидела в соседнем кабинете со Светланой, которая безуспешно пыталась согреть её ледяные пальцы.

Позже девочка всё-таки сказала, что произошло.

— Я споткнулась. Дядя Денис меня поймал. А мама закричала.

Светлана тогда не нашлась с ответом.После нападения Марину увезли для разбирательства, а Дениса — в нейрохирургическое отделение. Его удалось спасти.

Операция прошла успешно, но он долго не мог переносить яркий свет и громкие звуки. Против Марины возбудили дело. Её бывший муж почти сразу подал новые документы в суд по спору о дочери.

Из всех страшных событий, случившихся в «Меридиане» за последние месяцы, эта сцена была самой понятной: мать бросилась на человека, которого сочла опасным для ребёнка.

И самой непонятной тоже.

Потому что Денис прежде любил Машу вполне обыкновенной, открытой привязанностью молодого человека, у которого была младшая сестра почти того же возраста. Он помогал девочке рисовать на компьютере, терпеливо выслушивал её бесконечные вопросы и однажды починил сломанную игрушку. И Марина прежде доверяла ему настолько, что могла оставить дочь в кабинете на несколько минут, пока забегала в бухгалтерию.

Ни Анна, ни Татьяна, ни даже сама Марина впоследствии не сумели назвать день, когда обычная доброта Дениса стала казаться подозрительной.

Но к моменту нападения Марина уже не сомневалась, что защищает дочь.

* * *

— Ты не думаешь, что мы могли что-нибудь сделать? — неожиданно спросила Татьяна.

Анна подняла глаза.

— Для Веры?

— Для всех нас.

Татьяна выговорила эти слова с трудом, будто каждое цеплялось за горло.

— Мне вчера Лидия Михайловна приснилась, — добавила она. — Сидит у окна и ругается, что мы цветы не поливаем.

Анна хотела улыбнуться, но губы не послушались.

Лидию Михайловну похоронили двенадцать дней назад.

Болезнь началась исподволь. Сначала она жаловалась на слабость, потом стала чаще отпрашиваться к врачам. Возвращалась на работу упрямая, раздражённая, отмахивалась от расспросов. Сослуживцы уговаривали её взять отпуск. Она отвечала, что отдыхать будет на пенсии.

Когда стало по-настоящему плохо, никто уже не понимал, когда именно упустили время.

На похоронах сотрудники стояли порознь. Анна заметила это ещё у ворот кладбища. Прежде они всегда собирались вместе, даже когда повод был печальным. Теперь Вера Сергеевна стояла возле дочери Лидии Михайловны, Татьяна разговаривала со Светланой, Павел курил у ограды, а Сергей без конца смотрел в телефон. Николая Петровича не было.

Его к тому времени уже несколько дней держали под стражей по делу о документах, подписанных в бюро. Коллеги спорили, мог ли он сознательно пойти на нарушение. Кто-то был уверен в его виновности. Кто-то говорил, что всё гораздо сложнее. Сам Николай Петрович утверждал, что его подставили, но теперь и эти слова звучали для некоторых как привычная защита обвиняемого.

Анна не могла примирить в памяти двух людей: руководителя, который оставался с Денисом до десяти вечера, исправляя чужую ошибку, и человека, чья фотография появилась в короткой криминальной заметке на городском сайте.

Особенно страшным оказалось то, что второе изображение понемногу вытесняло первое.

— Я всё думаю про её фикус, — сказала Татьяна. — Он ведь наверняка засохнет без неё.

— Сергей обещал поливать.

— Сергею сейчас не до цветов.

— Я могу заехать.

— Тебя туда пустят?

Анна отвела взгляд.

В свой прежний кабинет она не входила с того дня, когда забрала коробку с личными вещами. Формально никто не запрещал ей приходить. Просто после увольнения возникло столько недоразумений, столько холодных телефонных разговоров и невнятных претензий, что одна мысль о проходной вызывала у неё тошноту.

Анна всё ещё хранила на кухне кружку с отколотой ручкой. Рука так и не поднялась выбросить её.

— Не знаю, — сказала она.

Татьяна медленно провела ладонью по лицу.

— Слушай, Ань. Я тогда... про тебя...

Анна посмотрела на неё.

Татьяна хотела сказать что-то ещё, но в коридоре появился мужчина в форменной куртке. Он остановился у стойки, уточнил у дежурной фамилию пациентки и направился к ним.

— Кто из вас находился с Верой Сергеевной в последние дни? — спросил он.

Татьяна выпрямилась.

— Я. Мы вместе работаем.

— Нам нужно будет с вами поговорить. Не сейчас, позже. И ещё: кто знает, где находятся её рабочие записи?

Татьяна открыла рот и закрыла его.

Вера Сергеевна всегда всё записывала. Совещания, сроки, обещания, телефонные разговоры. У неё были десятки тетрадей, блокнотов, электронных заметок. Когда-то это казалось коллегам смешной старомодной привычкой.

Анна вдруг представила, сколько там всего: имена, даты, обрывки чужих слов, к которым уже невозможно подобрать интонацию.

— В кабинете, наверное, — ответила Татьяна. — Или дома. Я точно не знаю.

Мужчина сделал пометку.

— А с кем она в последнее время чаще всего разговаривала?

Этот вопрос почему-то оказался самым трудным.

С кем разговаривала Вера Сергеевна? С Николаем Петровичем, пока его не увезли. С Павлом по проектам. С Мариной перед нападением. С Татьяной — по сметам. Со Светланой, с Сергеем, с Денисом. Со всеми и ни с кем.

Раньше такой вопрос показался бы нелепым. В одном отделе невозможно работать и не разговаривать.

Но за последние месяцы разговоры изменились. Люди стали закрывать двери, выходить с телефонами в коридор, прерывать фразы при чужом появлении. Прежде они обсуждали проблемы вместе, теперь каждый стремился выяснить, на чьей стороне остальные.

— Я не знаю, — тихо сказала Татьяна.

Мужчина поблагодарил их и ушёл к стойке.

* * *

Около четырёх утра Наталья задремала, опустив голову Анне на плечо.Татьяна сходила к автомату за кофе и принесла два бумажных стаканчика.

Один молча поставила перед Анной.

Анна взяла его.

— Спасибо.

За окном больницы начинало светлеть. Дождь прекратился. На мокрых ветвях тополей дрожали первые весенние листья — крошечные, ещё почти прозрачные.

— Помнишь, как мы Вере лампу выбирали? — спросила Анна.

Татьяна кивнула.

— Зелёную.

— Ты тогда говорила, что цвет старомодный.

— И сейчас говорю.

Анна слабо улыбнулась.

— А она плакала, когда мы подарили.

— Помню.

Долгое время они сидели молча. Между ними лежали полгода недоверия, невысказанных обвинений, поступков, за которые обеим было стыдно. Они не знали, можно ли ещё что-нибудь исправить, и боялись даже пытаться.

— Ань, — сказала Татьяна, глядя в свой стаканчик.

— Ведь раньше мы не такими были?

Анна хотела ответить сразу, но не смогла. Потому что «раньше» вдруг показалось другой жизнью.

Там была тесная комната отдыха с гудящим холодильником. Анна приносила пироги, Лидия Михайловна спорила с Денисом о компьютерах, Павел подтрунивал над Татьяной, а Марина показывала рисунки дочери. Вера Сергеевна умела одним спокойным словом прекратить ссору. Николай Петрович по пятницам напоминал выключать свет.

Пять старых лип возле городской библиотеки они однажды спасли все вместе — и радовались этому так, будто совершили нечто выдающееся.

Анна закрыла глаза. Она пыталась вспомнить, какой была последняя по-настоящему счастливая пятница. Не день рождения и не праздник, а самый обычный вечер, когда можно было задержаться на работе, посидеть с коллегами за чаем, посмеяться и не думать, что любое слово завтра обернётся против тебя. Такая пятница наверняка была. Но вспомнить её Анна не сумела.

— Были, Таня, — сказала она наконец.

— Совсем другими.

В дальнем конце коридора открылась дверь. Наталья проснулась и резко подняла голову. Все трое одновременно встали. Из дверей вышел врач.

* * *

За пять месяцев до этой ночи в бюро «Меридиан» ещё никто не запирал ящики стола на ключ. Тогда сотрудники оставляли друг другу записки на мониторах, делились обедами и без опаски просили присмотреть за детьми. Телефоны лежали экраном вверх. О чужих неудачах говорили с участием, а о чужих успехах — с радостью.

В один из последних октябрьских понедельников Анна пришла на работу пораньше. Она испекла вишнёвый пирог, принесла чистую кружку и купила небольшую записную книжку в голубой обложке. На первой странице написала: «Добро пожаловать в наш коллектив!» Потом поставила в вазу несколько веточек хризантем и отошла к двери, чтобы посмотреть, красиво ли получилось. В девять тридцать должны были представить новую сотрудницу. Анна надеялась, что та быстро почувствует себя своей. Она ещё не знала, как сильно однажды захочет вернуть это утро.

Часть первая. Как всё началось.
Глава 1. Меридиан

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.